

ИЗЪ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

Въ жизни учреждений, подобныхъ Духовной Академіи, бываютъ по временамъ такіе періоды, когда отдѣльныя событія, изъ цѣпи которыхъ слагается жизнь, наступаютъ и оканчиваются какъ то замѣчательно спокойно и равно.. И нельзя сказать, чтобы эта ровность зависѣла отъ того что въ ряду этихъ событій не было выдающихся по своему значенію для жизни учрежденія: бываютъ въ числѣ ихъ и такія; но случается такъ, что или учрежденіе къ нимъ постепенно подготовлялось, такъ что наступленіе ихъ не было неожиданностью, или людьми почему либо овладѣвало такое настроеніе, что они не ощущали въ себѣ какого либо особеннаго возбужденія, переживая такія событія. Такой именно характеръ затишья нѣсколько впрочемъ минорнаго тона, носить академическая жизнь за всю вторую половину учебнаго 18⁹⁴/₉₅ года.

Замѣчательно однакожъ, что въ то время какъ внутри Академіи господствовалъ этотъ характеръ тишины, внѣ ея и именно о ней слышался говоръ и говоръ довольно громкій. Итакъ скажемъ по порядку сначала о томъ, что въ Академіи дѣйствительно было, а затѣмъ и о томъ, что о ней говорено было.

Начался 1895-й годъ для Академіи заботами объ изысканіи мѣста для новаго студенческаго кладбища. Января 20-го члены академическаго правленія, въ виду *умножившихся* въ академическомъ саду *могилъ* умершихъ студентовъ, имѣли сужденіе объ изысканіи болѣе удобнаго мѣста для погребенія... И опредѣлили: благопочтительнѣйше просить Его Высокопреосвященство сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы причтъ ближайшаго къ академіи Вознесенскаго кладбища отвелъ на послѣднемъ *достаточно просторный*

участокъ для погребенія студентовъ по возможности не *вдалекѣ* отъ могилъ умершихъ профессоровъ академіи Кудрявцева и Амфитеатрова и вошелъ о семъ предметѣ въ соглашеніе съ правленіемъ Академіи.... Ходатайство правленія увѣнчалось успѣхомъ: для академическаго кладбища отведенъ достаточно просторный участокъ близъ кладбищенскаго храма Воскресенія на одномъ изъ посадскихъ кладбищъ (въ среднемъ одинаковомъ разстояніи между Посадомъ и Виоавіею).

Вотъ первая академическая новость за 1895 годъ! Само по себѣ событіе это довольно обыкновенное и—не обинуюся сказать—не важное... Но въ тонѣ академическаго ходатайства слышится что-то болѣзненно грустное, что-то давящее тоскою. „Умножившіяся могилы студентовъ“, „достаточно—просторный участокъ“—слова—печально-знаменательныя! Онѣ указываютъ ясно, что за послѣдніе годы процентъ смертности студентовъ увеличился и что по убѣжденію академическаго правленія и яѣтъ основаній надѣяться, что по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ этотъ процентъ уменьшится „Достаточно—просторный участокъ“ требуется! И при томъ для *студентовъ* академіи, т. е. значить для молодежи, стекающей въ академію изъ разныхъ странъ и рекомендуемой, какъ цвѣтъ мѣстнымъ духовныхъ семинарій, молодежи, полной свѣтлыхъ надеждъ на *жизнь*, а не на достаточно просторное кладбищенское помѣщеніе.

Впрочемъ дѣло возможное, что мы ошибаемся, придавая словамъ правленскаго постановленія такое полновѣсное значеніе; можетъ быть эти слова означаютъ что-нибудь иное, или просто случайны. Дай Богъ чтобъ было такъ. Есть однако же яѣкоторыя основанія полагать, что слова эти не случайны, а означаютъ именно то самое, что мы разумѣемъ: такъ, по настоянію академическаго врача съ наступленіемъ лѣта шесть студентовъ отправлены на лѣченіе кумысомъ; по нервнымъ болѣзнямъ за послѣднее время тоже довольно частенько академіи приходится обращаться за помощью московскихъ врачей и больницъ. Вообще грудныя и нервныя болѣзни слѣдались довольно характерными студенческими болѣзнями. Невольно поэтому возникаетъ вопросъ о причинахъ этого грустнаго явленія. Что же это за причины? Признаемся, мы почитаемъ для себя вопросъ этотъ слиш-

комъ труднымъ. Обыкновенно указываютъ на скученность помѣщенія студентовъ.... Въ настоящее время число ихъ доходитъ до 276-ти; слѣдовало бы, говорятъ, помѣщать только половину этого числа; такъ, но куда же дѣвать остальныхъ? Говорятъ еще, что нѣкоторыя студенческія помѣщенія сыры, холодны и не имѣютъ здороваго воздуха, такъ какъ окнами выходятъ на лаврское кладбище. Дѣйствительно, такія помѣщенія есть и вышеозначенныя свойства ихъ давно уже подмѣчены студентами, съ незапамятныхъ временъ прозванными ихъ „лаплапдією“. Можетъ быть эти такъ сказать климатическія условія дѣйствительно дурно вліяютъ на здоровье студентовъ; но, повторяемъ, мы совсѣмъ не беремъ на себя смѣлости разсуждать о какихъ бы то ни было причинахъ, а указываемъ на означенныя явленія людямъ компетентнымъ, замѣтивъ съ своей стороны, что таковыя академическія помѣщенія существуютъ рѣшительно вопреки нѣкоторымъ пунктамъ Духовнаго Регламента: ибо по Регламенту мѣсто для академіи должно быть отведено „веселое“, а не... лапландія ¹⁾. На нашъ взглядъ это постановленіе Духовнаго Регламента весьма важно. По самому характеру ученыхъ занятій студентовъ духовной академіи и по ихъ сравнительной (сословной) бѣдности требуется обстановка не гнетущая полеть души, а свободная, веселая. Такъ уже самый циклъ богословскихъ наукъ весь проникнутъ характеромъ отвлеченности и отрѣшенности отъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ, отвлеченнѣйшая диалектика, филологія, библіографія, археологія — вотъ главные элементы, которыми оперируетъ студенческій умъ во все время прохожденія академическаго курса. Къ этому нужно присоединить и то еще, что по установившемуся обычаю и особенно въ Московской академіи отъ студентовъ требуются не столько устные отчеты въ ихъ занятіяхъ, сколько самостоятельныя письменныя работы. Но составленіе самостоятельнаго богословскаго сочиненія есть такой трудъ, который и при навыкѣ требуетъ весьма значительной умственной напряженности. Преподаватели Закона Бо-

¹⁾ „Мѣсто академіи не въ городѣ, новъ сторонѣ на веселомъ мѣстѣ удобное, гдѣ нѣсть народнаго шума, ниже частыя окказіи, которые обычно мѣшаютъ ученія, и находить на очи что похищаетъ мысли молодыхъ челоувѣкъ и прилежать ученіемъ не попускаетъ“. Дома училищныя, п. 19.

жія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ—вотъ кто можетъ непререкаемо и авторитетно засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что студентъ отлично успѣвающій въ естествознаніи, юриспруденціи, даже чистой математикѣ, становится не рѣдко положительно втупикъ предъ сравнительно популярнымъ изложеніемъ православнаго догмата..... Нерѣдки и въ сочинительской практикѣ студентовъ академіи случаи, что истерзавшійся надъ темою сочиненія авторъ и почти вполнѣ его окончившій рветъ въ клочки свою работу за два дня до срока подачи. Почему? Да потому, что только теперь, ночи вполнѣ окончивъ свой трудъ увидѣвъ, что нужно совсѣмъ передѣлать его..... Но добра и благодѣтельна для развитія такая напряженная умственная работа, когда она сопровождается чувствомъ удовлетворенности, добрыми результатами затраченнаго труда и приложенія усилій. При неудовлетворенности же трудъ—только изнурителемъ. А если къ этому прибавить вышеозначенныя климатическія условія внѣшней обстановки, представленіе въ прошломъ и будущемъ лишь перспективы этой умственной борьбы и энергіи лишь за насущный хлѣбъ (вѣдь студенты большею частью бѣдняки и, получивъ степень кандидата, въ послѣднее время съ охотою поступаютъ даже въ псаломщики); то, пожалуй, и придется согласиться, что нервныя и грудныя болѣзни при такихъ условіяхъ вполнѣ естественны.

Могутъ, конечно, на это возразить, что занятіе Богословіемъ напротивъ требуетъ именно строжайшаго монашескаго аскетизма, что всоленскіе учителя и богословы были именно аскетами.....

Отвѣтомъ можетъ служить слѣдующее: обязательнымъ можетъ быть только духовный, но отнюдь не физическій аскетизмъ: ибо послѣдній для однихъ—людей слабаго, тѣмъ болѣе отъ природы болѣзненнаго тѣлосложенія, былъ бы только медленнымъ убійствомъ,—для другихъ—людей отъ природы здоровыхъ онъ, конечно, могъ бы быть и легкимъ, и плодотворнымъ, но конечно при весьма разумной методѣ и упражненіи, а главное—чтобы онъ былъ добровольнымъ и осмысленнымъ, а отнюдь не насильственнымъ: ибо только при этомъ условіи съ нимъ соединялся бы и укрѣплялся аскетизмъ духовный, безъ этого же послѣдняго физическій аскетизмъ не имѣетъ смысла. Именно примѣры великихъ

аскетовъ богослововъ и объясняютъ это. Упражнения аскетическія, добровольно ими предпринимаемыя, были только продолжительнымъ приготовленіемъ къ богословствованію, но не шли рядомъ съ нимъ. Духовная школа, спартански устроенная, создала, какъ показалъ продолжительный опытъ, типъ бурсака, но отнюдь не богослова-аскета. Наоборотъ, школа, доставляющая всё удобства для нормальнаго роста духовныхъ и физическихъ силъ можетъ дать и строгаго аскета-богослова. Какъ задача физическаго аскетизма, такъ и разумнаго комфортабельно-физическаго воспитанія одна и та же—дисциплинировать тѣлесныя силы и влеченія разумнымъ образомъ, т. е. чтобы они находились въ подчиненіи разумной волѣ и соотвѣтствовали высшимъ стремленіямъ человѣческой души. Вслѣдствіе сего умерщвленіе грубыхъ страстныхъ позывовъ и порывовъ строгимъ постомъ, умерщвленіемъ плоти, не болѣе цѣлесообразно, чѣмъ разумная гигиена. Но послѣдняя, какъ воспитательное средство, приложима ко всѣмъ натурамъ, первое же—только къ исключительнымъ, особенно къ школьникамъ юношескаго возраста: вѣдь это—еще періодъ роста и формированія организма: недостаточное питаніе, недостатокъ отдыха при значительномъ умственномъ напряженіи здѣсь прямо можетъ повести къ уродству и болѣзненности. На этомъ основаніи вышеприведенное постановленіе Духовнаго Регламента мы и почитаемъ весьма мудрымъ, цѣлесообразнымъ. Его полуторавѣковая древность просто должна стыдить тѣхъ изъ представителей конца XIX вѣка, которые не хотятъ или неспособны оцѣнить его глубокой цѣлесообразности.

Но довольно объ этомъ. Въ настоящее время забота о новомъ академическомъ кладбищѣ оказалась далеко не излишнею: не далѣе, какъ 13-го Мая выискался и насельникъ новаго академическаго кладбища. Таковымъ оказался студентъ III-го курса, священникъ Петръ Ильичъ Бѣлтовъ.

Покойный былъ уроженецъ Владимірской губерніи. По окончаніи курса поступилъ во священника въ бѣдный сельскій приходъ. Весьма неблагопріятныя условія домашней и приходской жизни побудили его отважиться искать выхода къ лучшему путемъ честнымъ, хотя въ его положеніи, какъ человѣка семейнаго, и весьма многотруднымъ: онъ

рѣшился, оставивъ на родинѣ семью, поступить въ Московскую Духовную Академію. Поступленіе состоялось и семьянинъ священникъ, изолированно отъ семьи, три года съ усердіемъ выполнялъ студенческія обязанности, отличаясь въ то же время и ревностію къ церковной службѣ. За это усердіе собратья-священники студенты прозвали его своимъ благочиннымъ. Но отъ природы слабое его здоровье, въ связи конечно съ печалами и заботами семейными, не выдержало житейской борьбы и лишь послѣ краткой, но очоно острой болѣзни (воспаленіе въ мозгу) о. Петръ скончался въ одной изъ московскихъ больницъ, куда помѣщенъ былъ по настоянію академическаго врача. Больной пробылъ здѣсь не болѣе 3-хъ сутокъ.—Съ разрѣшенія Владыки Митрополита тѣло покойнаго изъ Москвы препровождено было въ Сергіевъ посадъ. Здѣсь на вокзалѣ гробъ встрѣченъ былъ о. Ректоромъ Архимандритомъ Антоніемъ и перенесенъ въ кладбищенскій Воскресенскій храмъ. Отпѣваніе совершено было 15-го числа двумя архимандритами: Ректоромъ Академіи Архимандритомъ Антоніемъ и настоятелемъ посольской церкви въ Аѣілахъ, Архимандритомъ Сергіемъ въ сослуженіи священниковъ студентовъ. Изъ близкихъ покойнаго при отпѣваніи была только его супруга. Товарищи и сослуживцы покойнаго по академической церкви, священники выражали ему на прощанье свои симпатіи глубоко прочувствованными рѣчами. Особенно трогательно было произнесено во время отпѣванія слово священникомъ о. Сумерномъ Никольскимъ (въ нынѣшнемъ году окончившимъ академическій курсъ).

Послѣ продолжительнаго священническаго отпѣванія гробъ руками священниковъ вынесенъ былъ изъ храма и въ предшествіи хоругвей обнесенъ былъ вокругъ него и за тѣмъ въблизи, съ западной стороны, опущенъ въ могилу, при тихомъ перезвонѣ малыхъ кладбищенскихъ колоколовъ. Такъ совершилось печальное начало заселенія новаго студенческаго кладбища.

6-го февраля въ 6 часовъ вечера въ присутствіи профессоровъ и студентовъ академіи происходилъ магистерскій диспутъ. Обсужденію подвергалась диссертация И. П. Пиколина „Дѣянія святыхъ Апостоловъ. Опытъ историко-критическаго введенія“. Сергіевъ Посадъ 1895 г. Диспутантъ,

по сообщенію *curriculum vitae*,—сынъ священника села Рыжева, Егорьевскаго уѣзда, Рязанской губ. По окончаніи курса въ Рязанской духовн. семинаріи съ аттестатомъ перваго разряда поступилъ надзирателемъ рязанскаго духовнаго училища. Въ 1888 году былъ принятъ въ число студентовъ Московск. Академіи на казенное содержаніе. По окончаніи курса въ академіи былъ оставленъ при ней въ качествѣ профессорскаго стипендіата, но за неимѣніемъ вакансій въ академіи приказомъ г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 4 февр. 1892 г. опредѣленъ преподавателемъ догматическаго богословія и соединенныхъ съ нимъ предметовъ въ Виоанскую духовн. семинарію, гдѣ состоитъ преподавателемъ и теперь. Еще будучи студентомъ, диспутантъ напечаталъ въ Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ статью: „религіозно-нравственное состояніе Іудей въ царствованіе Іосіа“. Затѣмъ въ 1894 г. въ „Чтеніяхъ въ обществѣ любителей духовн. просвѣщенія“ было напечатано: „Опроверженіе мнѣнія о заимствованіи нѣкоторыхъ сказаній священной книги Дѣяній изъ повѣствованія Іосифа Флавія“, и въ „Радости Христіанина“: Ап. Павелъ на судѣ въ синедрионѣ“, „О почитаніи и призываніи святыхъ“, „Ученіе Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова о Троичности лицъ въ Богѣ“.

Диспутъ открылся живою и одушевленною рѣчью И. П. Николина, посвященной выясненію значенія критико-исагогическихъ трудовъ, къ разряду которыхъ относится и его диссертация, для положительнаго раскрытія христіанскаго вѣроученія и критикѣ противоположнаго мнѣнія. Въ заключеніе своей рѣчи магистрантъ привелъ рядъ интересныхъ параллелей изъ исторіи христіанской древности, наглядно показывающихъ съ какимъ живымъ интересомъ относились отцы и учителя церкви къ вопросамъ о происхожденіи, авторахъ и подлинности священныхъ книгъ.

Первымъ оппонентомъ выступилъ ректоръ академіи о. архимандритъ Антоній. Соглашаясь съ основными положеніями, высказанными диспутантомъ въ рѣчи, и признавая важность и необходимость критической части въ каждомъ сочиненіи, имѣющемъ притязанія на научность, о. ректоръ упрекнулъ однако магистранта въ излишнемъ увлеченіи полемическими задачами. Именно магистранту было постав-

лено на видъ, что онъ входитъ иногда въ детальный и подробный разборъ мнѣній, несостоятельность которыхъ сама собою бросается въ глаза, отъ чего полемическая часть его сочиненія получаетъ характеръ гипокритики.

Выслушавъ обстоятельныя отъ диспутанта объясненія по поводу своего возраженія, о. ректоръ перешелъ къ содержанию книги. Здѣсь прежде всего онъ не согласился съ мнѣніемъ диспутанта о цѣли написанія кн. Дѣяній. Таковую цѣлью онъ призналъ изложеніе исторіи жизни и дѣятельности ап. Павла. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ сослался на то обстоятельство, что св. Лука кончаетъ свое повѣствованіе Римомъ, какъ скоро прерывается жизнь и дѣятельность апостола.

Обоюдныя объясненія о. Ректоръ закончилъ указаніемъ возможности примирить мнѣніе диспутанта со своимъ. Отмѣтивъ далѣе еще нѣсколько мелкихъ недосмотровъ, оппонентъ съ большою похвалою отозвался о достоинствахъ книги г. Николина. Съ особеннымъ одобреніемъ онъ отнесся къ тому, что авторъ основываетъ свою экзегетику на снесеніи параллельныхъ мѣстъ св. Писанія, пользуясь герменевтическимъ правиломъ, противъ котораго часто погрѣшаютъ новѣйшіе толкователи св. Писанія, а также къ послѣдней главѣ диссертациі, въ которой авторъ обнаруживаетъ полную самостоятельность, церковность направленія и вполнѣ освобождается отъ вліянія иностранныхъ пособій.

Сущность возраженій втораго оффиціального оппонента, профессора по каѳедрѣ св. Писанія Нов. Зав. М. Д. Муретова, сводится къ указанію нѣкоторыхъ пробѣловъ и излишествъ диссертациі.

Прежде всего онъ упрекнулъ г. Николина въ неполномъ изученіи литературы предмета. Въ частности оппонентъ указалъ на незнакомство автора съ капитальными трудами Цана, Фейне, съ новымъ изданіемъ и переработкой книги Шюрера и съ трудомъ Шлейнера. Тѣмъ болѣе заслуживающимъ упрека оппонентъ призналъ недостатокъ вниманія со стороны г. Николина къ трудамъ русскихъ ученыхъ: преосв. Иннокентія и Михаила, прот. Григорія, свящ. Глаголева и др.

Пробѣломъ изслѣдованія оппонентъ призналъ опущеніе вопроса объ отношеніи кн. Дѣяній къ посланіямъ ап. Павла.

Книга Дѣяній написана послѣ разрушенія Иерусалима, слѣдовательно два года спустя по смерти ап. Павла. Такъ обр. св. Лука могъ пользоваться при составленіи кн. Дѣяній письменными трудами ап. Павла. Кромѣ того современное состояніе науки требовало коснуться вопроса о литературной зависимости кн. Дѣяній отъ Ев. Іоанна Богослова.

Въ главѣ о писателѣ кн. Дѣяній оппонентъ также указалъ одно упущеніе. Въ ней не подвергнуты спеціальному обсужденію отрицательныя даты касательно происхожденія кн. Дѣяній отъ св. Луки. На стр. 160 своей диссертациі г. Николинъ говоритъ о замѣчательномъ единодушіи, съ которымъ церковное преданіе всегда приписывало книгу Дѣяній св. Лукѣ. На самомъ дѣлѣ это единодушіе было менѣе значительно, чѣмъ утверждаетъ авторъ. Такъ напр. Златоустъ говоритъ, что даже въ его время происхожденіе кн. Дѣяній отъ Ев. Луки не было общепризнано, но одни приписывали эту книгу св. Лукѣ, другіе Клименту Римскому, третьи ап. Варнавѣ. О томъ же свидѣтельствуетъ Фотій. Точно также нѣкоторые еретики, напр. Маркіониты и Манихеи, принимая Евангеліе Луки, отвергали кн. Дѣяній. Такъ обр. свидѣтельство преданія объ авторствѣ Луки не вполне единодушно, и въ задачу диссертациі входитъ анализъ отрицательныхъ свидѣтельствъ.

Наконецъ оппонентъ отмѣтилъ еще одинъ пробѣлъ въ главѣ о цѣли кн. Дѣяній. Онъ упрекнулъ диспутанта въ томъ, что онъ не удѣлил должнаго вниманія одной существенной теоріи, признающей кн. Дѣяній апологіей ап. Павла въ его римскомъ процессѣ, стремящейся доказать безвредность христіанства для государства, теоріи, основанной на свидѣтельствѣ Мураторіева фрагмента, утверждающаго, что ап. Павелъ взялъ съ собою въ Римъ св. Луку, какъ юриста—*ut juris studiosum*, и изложенную въ статьяхъ Aberle въ *Tüb. Theol. Quartalschrift* за 1855 г. стр. 173, 1863 г. 93 и Schäfer'a въ томъ же журналѣ за 1877 г.

Въ противоположность указаннымъ пробѣламъ оппонентъ отмѣтилъ также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ излишнюю полноту диссертациі. Такъ, по его мнѣнію, автору не слѣдовало касаться вопросовъ, былъ ли Лука живописцемъ и принадлежалъ ли онъ къ числу 70-ти учениковъ Христовыхъ.

На всѣ возраженія оппонента г. Николинымъ были даны соотвѣтствующія объясненія.

Диспутъ заключился возраженіями неоффициальнаго оппонента, доцента по кафедрѣ цер. археологіи, А. П. Голубцова. Возраженія послѣдняго относились къ области его специальности. Онъ заявилъ, что ожидалъ встрѣтить въ диссериации подробный разборъ преданія объ иконографіи Ев. Луки, но нашелъ въ ней лишь примѣчаніе, посвященное этому предмету. Упрекнувъ далѣе диспутанта въ сильной зависимости, въ какой онъ стоялъ при составленіи этого примѣчанія къ своимъ пособіямъ, г. Голубцовъ предложилъ ему два вопроса: 1) почему не было внесено подробнаго трактата объ Ев. Лукѣ, какъ живописцѣ, въ изложеніи его біографіи и 2) почему вопросъ объ иконографіи св. Луки рѣшается диспутантомъ въ положительномъ смыслѣ, тогда какъ пособія, отъ которыхъ онъ стоялъ въ зависимости, высказываются объ этомъ предметѣ съ сомнѣніемъ.

На первый вопросъ диспутантъ отвѣтилъ, что внесеніе въ біографію св. Луки подробнаго трактата объ его иконографіи, какъ мало относящагося къ главному предмету изслѣдованія, онъ считалъ излишнимъ и потому ограничился однимъ примѣчаніемъ. Что онъ въ этомъ не ошибся, его убѣждаетъ мнѣніе предшествующаго оппонента, признавашаго излишнимъ даже это примѣчаніе. Относительно своей зависимости отъ пособій при составленіи примѣчанія объ иконографіи св. Луки диспутантъ замѣтилъ, что онъ ее вовсе не скрывалъ и съ этою цѣлью процитовалъ свои пособія.

Совѣтъ академіи, признавъ защиту диссертациіи удовлетворительной, постановилъ ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ утвержденіи магистранта въ степени магистра богословія.

Февраля 28-го Совѣтъ Академіи заслушалъ прошеніе объ увольненіи отъ академической службы заслуженнаго экстраординарнаго профессора Павла Ивановича Горскаго-Платонова. Павелъ Ивановичъ состоялъ на службѣ при Академіи почти 37 лѣтъ. Тотчасъ по окончаніи академическаго курса въ 1858 году 19 Августа онъ былъ опредѣленъ бакалавромъ по классу Церковнобиблейской Исторіи и Еврей-

скаго языка, за тѣмъ съ преобразованиемъ Академіи въ 1870 году избралъ для преподаванія Еврейскій языкъ и Библейскую Археологію. Съ 1878 по 1887 годъ проходилъ по избранію Совѣта Академіи должность Инспектора Академіи.

На мѣсто его 2-го Мая избранъ Совѣтомъ Академіи и Его Высокопреосвященствомъ утвержденъ магистрантъ и профессорскій стипендіатъ Павелъ Васильевичъ Тихомировъ.

Мая 29-го Совѣтомъ Академіи заслушано было и другое прошеніе объ увольненіи отъ академической службы заслуженнаго Ординарнаго профессора Евгенія Евсигнѣвича Голубинскаго. Всей службы его было также почти 37 лѣтъ. Въ 1858 году по окончаніи академическаго курса онъ опредѣленъ былъ въ Вианскую Духовную Семинарію учителемъ словесности, а въ 1859 году 26 Сентября перемѣщенъ въ Московскую Духовную Академію бакалавромъ русской Церковной Исторіи и Нѣмецкаго языка. Ученые труды по Исторіи Русской Церкви и исторіи православныхъ славянскихъ церквей доставили Евгенію Евсигнѣвичу весьма почетную въ ученomъ мѣрѣ извѣстность. Въ настоящее время онъ состоитъ *членомъ-корреспондентомъ* Императорской Академіи наукъ; *почетнымъ членомъ*: Императорскаго Харьковскаго Университета, Общества Нестора Лѣтописца при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра въ Кіевѣ, Ростовскаго Музея церковныхъ древностей и Болгарскаго Книжовнаго Дружества въ Средцѣ (Софіи); *дѣйствительнымъ членомъ* Общества древнерусскаго искусства при Московскомъ публичномъ Музеѣ и Общества исторіи и древностей російскихъ.

На мѣсто его Совѣтомъ Академіи 14-го Іюня избранъ профессорскій стипендіатъ, только что окончившій курсъ, магистрантъ Сергій Ивановичъ Смирновъ.

Выбытіе изъ Академіи этихъ двухъ товарищей по курсу и долгой ученой службѣ составляетъ весьма замѣтную убыль духовноученой силы Академіи. Духовной наукѣ они принесли свои богатые духовныя дарованія и посвящали всѣ свои силы; неуклонное выполненіе профессорскаго долга для нихъ оставалось все время высокою цѣлью жизни: вся ихъ долгая служба была однимъ непрерывнымъ ученымъ

трудо́мъ — безъ развлеченій: ибо таковыхъ въ Сергіевомъ Посадѣ по ихъ вкусамъ и привычкамъ не было, а въ Посадѣ они проживали безвыѣздно ¹⁾). Ученые труды смѣнялись для перваго лишь краткимъ отдыхомъ въ кругу семьи, а для втораго отдыхъ состоялъ развѣ только въ чередованіи занятій въ безпримѣрно замкнутомъ и отрѣшонномъ отъ житейскихъ суетъ одиночествѣ ученаго келліота.

11-го Мая корпораціи академическая и виоанская почтили этихъ двухъ своихъ учителей и сослуживцевъ прощальною братскою трапезой. Въ скромныхъ задушевныхъ рѣчахъ здѣсь высказывались чувства любви, уваженія, признательности, выражались желанія спокойнаго долготѣія, при чемъ неизбежная въ данныхъ обстоятельствахъ грустная прощальная нота нѣсколько ослаблялась сознаніемъ, что это прощаніе только внѣшнее; ибо долготѣнная служба этихъ корифеевъ академической науки уже настолько сроднила ихъ съ академіей, что внутренній союзъ ихъ съ нею останется нерасторжимымъ и на будущее время и дай Богъ, чтобы еще на долгое будущее...

Годичныя испытанія студентовъ въ настоящемъ году, какъ и въ предыдущемъ, были удостоены милостиваго посѣщенія Его Высокопреосвященства, Владыки Митрополита Московскаго. Владыка осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ экзамены по Нравственному Богословію и Догматическому. На первомъ Его Высокопреосвященство изволилъ пробить довольно долго, чрезвычайно внимательно выслушивалъ отвѣты студентовъ и самъ давалъ имъ возраженія и вопросы, извлекая ихъ изъ выслушанныхъ отвѣтовъ. На обоихъ экзаменахъ Владыка въ заключеніи изволилъ выразить весьма лестный для студентовъ отзывъ объ ихъ отвѣтахъ.

14-го Іюня происходилъ магистерскій коллоквиумъ Настоятеля Православной Посольской Церкви въ Афинахъ о. архимандрита Сергія, защищавшаго свою диссертацию: *Православное ученіе о спасеніи*. Сергіевъ Посадъ. 1895 г.

Секретаремъ Академіи М. К. Казанскимъ прочтенъ былъ слѣдующій curriculum vitae о. Архимандрита Сергія.

О. Архимандритъ Сергіій первоначальное образованіе получилъ въ Арзамасскомъ Духовномъ Училищѣ и Нижего-

¹⁾ Только 1872—1873 учебный годъ Евгений Евсигнѣвичъ провелъ за границею съ ученою цѣлью.

городской Духовной Семинаріи, гдѣ окончилъ курсъ въ 1886 году; за тѣмъ, отправился волонтеромъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію, въ которую, по выдержаніи приѣмныхъ испытаній, и принятъ былъ на казенное содержаніе. По окончаніи курса въ Академіи въ 1890 году, 13-го Іюня того же года былъ назначенъ миссіонеромъ въ Японію, гдѣ пробылъ около 3-хъ лѣтъ. Возвратившись въ 1893-мъ году въ Россію, о. Сергій, согласно избранію Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, утвержденъ былъ исправляющимъ должность доцента по кафедрѣ Священнаго Писанія Ветхаго Завѣта, а 30-го Декабря того же года назначенъ былъ указомъ Святѣйшаго Синода исправляющимъ должность Инспектора Московской Духовной Академіи и занималъ эту должность до 21 Сентября 1894 года, когда указомъ Святѣйшаго Синода назначенъ былъ настоятелемъ церкви при русской миссіи въ Аѳинахъ, каковую должность занимаетъ и по настоящее время.

Кромѣ магистерской диссертациі о. Сергій напечаталъ:

1) Въ *Церковномъ Вѣстникѣ* нѣсколько мелкихъ статей — корреспонденцій по вопросамъ и событіямъ текущей церковной жизни въ Японіи;

2) Въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1892—93 гг.), — статью о призваніи православной миссіи на дальнемъ востокѣ подъ заглавіемъ: „Христіанство въ Китаѣ и Японіи“;

3) Въ *Богословскомъ Вѣстникѣ* — за текущій годъ — часть лекцій по Нравственному Богословію подъ заглавіемъ: „Вѣчная жизнь, какъ высшее благо“.

Официальными оппонентами о. Сергію были: о. ректоръ академіи, архимандритъ Антоній и экстр. профессоръ по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій В. А. Соколовъ. Первый оппонентъ, о. ректоръ академіи началъ съ того, что отозвался съ большой похвалой о трудѣ о. Сергія, знакомомъ ему еще въ качествѣ кандидатской диссертациі, а нынѣ существенно усовершенствованномъ и вполне согласованномъ по смыслу съ основной идеей автора о томъ, что спасеніе не есть воздаяніе за условный подвигъ мысли или воли, но раскрытіе во всей силѣ того благодатнаго настроенія, которое здѣсь постепенно стяжается вѣрующимъ и подвизающимся христіаниномъ.

Недостатки сочиненія по мнѣнію оппонента только част-

ныя и притомъ касающіеся скорѣе изложенія, чѣмъ содержанія книги. Такъ авторъ, установивъ вышеприведенное ученіе о спасеніи, не долженъ бы возвращаться къ понятіямъ, отъ коихъ самъ-же старался отрѣшиться читателя, и ставить вопросъ о томъ: что же является дѣйствующею силою въ усвоеніи спасительнаго богообщенія: вѣра или дѣла? а онъ это дѣлаетъ въ концѣ книги, и отвѣчаетъ— вѣра; между тѣмъ слѣдовало отвѣтить — христіанское настроеніе, какъ говоритъ Апостолъ, что царство Божіе есть правда, и миръ, и радость о Св. Духѣ.

Второе несовершенство диссертациі оппонентъ находитъ въ томъ, что авторъ, говоря о крестномъ подвигѣ Христовомъ, не указываетъ въ чемъ же его спасительная сила, если въ царство небесное христіанинъ входитъ сообразно своему внутреннему содержанію. Правда авторъ говоритъ объ усвоеніи насъ Христомъ, какъ новымъ Адамомъ но не поясняетъ своей мысли и вдобавокъ допускаетъ выраженіе: заслуга Іисуса Христа, созданное схоластическимъ латинствомъ, и хотя усвоенное нашею учебною литературою но чуждое святоотеческой и совершенно неумѣстное въ диссертациі, посвященной именно тому, чтобы упразднить понятіе виѣшней заслуги въ дѣлѣ спасенія.

Третье возраженіе о. ректора исходило изъ того крайняго противопоставленія между подвигами предпринятыми ради страха и подвигами безкорыстной любви, вводящей насъ въ вѣчную жизнь, которое не разъ подчеркивается авторомъ. Какъ примирить авторъ это противопоставленіе съ упоминаемыми въ его-же книгѣ угрозами грѣшникамъ и обѣтованіями праведникамъ, такъ хорошо извѣстными намъ изъ слова Божія. Правда авторъ оговаривается что такіе подвиги требуются на низшей ступени духовнаго развитія христіанина, но если они столь чужды духа евангельской любви, то какую-же пользу могутъ они принести душѣ человѣка? Отвѣта на такой вопросъ нѣтъ въ книгѣ, а онъ заключается въ томъ, что страхъ воздаянія, не влагающей конечно непосредственно чувствъ евангельскихъ въ сердце грѣшника, можетъ по крайней мѣрѣ привлечь его разсѣвшееся вниманіе къ самоиспытанію, поискать въ своей душѣ заглогшихъ въ терніи страстей сѣмянъ добра и такимъ образомъ возвратить ихъ къ жизни; таково было вліяніе страха

голодной смерти на блуднаго сына: онъ пришелъ въ себя, а это и дало ему возможность покаяться.

Оппонентъ нашелъ неясность въ диссертациі по предмету 4-й главы, гдѣ идетъ рѣчь о благодатныхъ дарахъ крещенія. Дары эти заключаются между прочимъ въ вѣрѣ по одному параграфу книги, а по другому вѣра предшествуетъ крещенію; наконецъ самая вѣра по автору возникаетъ лишь въ сердцѣ добромъ и ищущемъ правды, а далѣе выходитъ что любовь и добро возможны лишь, какъ благодатные дары вѣры и крещенія.

Обмѣнявшись еще нѣсколькими возраженіями, оппонентъ заключилъ ихъ приблизительно слѣдующими словами: „я такъ радъ появленію въ печати Вашихъ мыслей о важнѣйшемъ предметѣ богословской науки, какъ будто бы я самъ былъ ихъ авторомъ. Радуюсь особенно тому, что Вы изложили ихъ словами священнаго преданія или говоря точнѣе, показали ихъ тожество съ послѣдними. Желалъ бы я чтобы Вы для большей и окончательной убѣдительности Вашихъ ученыхъ положеній, разобрали съ установленной точки зрѣнія всѣ изреченія св. Библіи, имѣющія отношеніе къ ученію о спасительной силѣ вѣры или добрыхъ дѣлъ. Говорю для окончательной убѣдительности, но не въ томъ смыслѣ, чтобы я ожидалъ быстро усвоенія всѣми Вашихъ разъясненій. Напротивъ многія явленія нашей богословской литературы убѣждаютъ меня въ томъ, что быстро распространенія ни Ваша книга, ни Ваши мысли не получатъ даже въ духовномъ мірѣ. За то книга Ваша получитъ значеніе долговѣчное. Она не потеряетъ своего интереса и чрезъ сто лѣтъ; мало того, интересъ къ ней будетъ возрастать постепенно и если не къ ней, то къ Вашимъ прекраснымъ разъяснительнымъ мыслямъ, которыя будутъ теперь-же усвоены лучшими и наиболѣе искренними и вѣрующими читателями, а затѣмъ будутъ изъ ихъ устъ распространяться въ окружающую среду не замѣтно постепенно, какъ все глубокое, разумное, истинное. Ваша книга какъ исповѣдь духовнаго разумѣнія, не относится къ интересамъ дня, не есть предметъ вниманія текущей минуты: она смотритъ въ будущее, давая намъ еще одно подтвержденіе той свѣтлой надежды что мы избавимся наконецъ отъ вліянія инославнаго богословія и сольемся своими умами съ преданіемъ Церкви“.

Второй оппонентъ, профессоръ В. А. Соколовъ, отозвавшись также съ похвалою о диссертации диспутанта, выставилъ однако же на видъ слѣдующіе ея недостатки.

Прежде всего онъ упрекнулъ диспутанта за его рѣзкое сужденіе о Богословской наукѣ, выраженное на стр. 44 въ слѣдующихъ словахъ: „кто хочетъ, тотъ находитъ православіе, но не въ наукѣ нашей, а въ Богослуженіи нашей церкви, въ келліи старца, около о. Іоанна Кронштадскаго, вообще въ жизни“.

Мнѣ думается—говорить оппонентъ—что этими неосторожными словами сказано гораздо болѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Еще очень недавно самъ о. Іоаннъ Кронштадскій, котораго Вы упоминаете, торжественно заявилъ, что всегда съ глубокимъ уваженіемъ относился къ богословской наукѣ и мало того—„ей именно обязанъ, что сталъ теперь тѣмъ, что онъ есть“. Вы сами въ своемъ изслѣдованіи, останавливая свой критическій взглядъ на твореніяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ богослововъ, у нихъ именно и находите искомое православіе. О преосвящ. Макаріи Вы говорите, что онъ „хочетъ выразить отличительную особенность православнаго пониманія“, что его мысли и фразы „говорятъ съ несомнѣнностью за то, что преосвящ. Макарій видѣлъ несостоятельность юридическаго (т. е. инославнаго) пониманія спасенія и обнаруживалъ пониманіе „болѣе глубокое“, православное (54—55). О трудѣ о. протопресвитера І. Л. Янышева Вы говорите, что онъ „весьма опредѣленно даетъ видѣть истинное существо православія (57). Наконецъ—чи труды новѣйшихъ богослововъ-мыслителей пользуются Вашимъ особеннымъ расположеніемъ и поставлены такъ сказать въ основу Вашего собственнаго изслѣдованія на столько, что Вы именно ими по собственному Вашему выраженію (215) „провѣряете свое пониманіе свято-отеческаго ученія?“ Это—труды Святителя Тихона Задонскаго и преосвящ. Теофана, т. е. представителей нашей же богословской науки. Въ нихъ именно вы и находите истинное православіе: имѣете ли Вы послѣ этого право говорить, что „кто хочетъ, тотъ находитъ православіе, но не въ наукѣ нашей?“

Благодаря нѣкоторому полемическому увлеченію, авторъ, по мнѣнію оппонента, оказался, далѣе, не совсѣмъ спра-

ведливымъ къ одному изъ своихъ противниковъ, а именно къ протестантизму. Неоднократно и настойчиво онъ утверждаетъ, что при протестантскомъ ученіи объ оправданіи вѣрою не предполагается никакого дѣятельнаго участія самаго человѣка въ этомъ дѣлѣ. „Вѣра спасаетъ внѣшне“ (19), душевное расположеніе не участвуетъ въ оправданіи, не содѣйствуетъ ему“ (20), вѣру нужно понимать отнюдь не въ смыслѣ какой нибудь нравственной работы со стороны самого спасающагося (18), „для человѣческаго участія, для субъективной стороны нѣтъ мѣста въ протестантскомъ оправданіи“ (22). Между тѣмъ изъ его же книги можно узнать (стр. 18), что вѣра оправдывающая человѣка, по ученію протестантовъ, пріобрѣтается совсѣмъ не безъ участія самаго вѣрующаго, а напротивъ является результатомъ его внутренняго настроенія, требуетъ съ его стороны весьма не малаго труда, а потому не есть нѣчто внѣшнее человѣку, а внутренній въ немъ процессъ и слѣдов. нельзя утверждать, что при протестантскомъ оправданіи для человѣческаго участія мѣста нѣтъ.

Въ главѣ IV-й—продолжалъ оппонентъ—авторъ много разсуждаетъ о таинствахъ и въ частности—о таинствѣ св. крещенія. Здѣсь на основаніи многихъ свидѣтельствъ Св. Отцовъ и учителей церкви онъ подробно раскрываетъ православное ученіе объ этомъ предметѣ и между прочимъ говоритъ: „дѣйственность таинства стоитъ въ зависимости отъ степени свободнаго участія въ немъ самого человѣка“ (200) „возрожденіе совершается путемъ нравственнымъ, при свободно сознательномъ содѣйствіи самого человѣка (201). „Сущность крещенія состоитъ въ коренномъ переворотѣ, совершающемся въ душѣ человѣка, въ измѣненіи всей его жизни“. „Собственное произволеніе оставить ветхаго человѣка является условіемъ благодатной дѣйствительности таинства“ (175). Если этого нѣтъ, то „вода останется водою“ и человѣкъ „напрасно принималъ таинство“ (178—185). Все это прекрасно—говорилъ оппонентъ—и, будучи подтверждено множествомъ несомнѣнныхъ отеческихъ свидѣтельствъ, запечатлѣвается въ душѣ читателя какъ истинное церковное ученіе. Мало того; при такомъ значеніи таинства крещенія оно является весьма яснымъ и важнымъ моментомъ въ изображаемомъ авторомъ процессѣ личнаго

спасенія каждаго человѣка; но православный вѣрующій нашего времени приходитъ въ невольное недоумѣніе, когда знаетъ, что въ настоящее время ничего подобнаго въ жизни церкви не встрѣчается. Таинство крещенія теперь совершается надъ младенцами, когда ни о какомъ нравственномъ переворотѣ, ни о какомъ сознательномъ рѣшеніи пресѣчь прежнюю жизнь и начать новую, конечно, рѣчи быть не можетъ. Въ той же главѣ авторъ какъ будто подрываетъ и самую мысль о необходимости крещенія для спасенія человѣка. Онъ говоритъ: „даже непринятіе таинства въ установленной формѣ можетъ не повредить человѣку, разъ образовалось въ немъ существо истиннаго христіанина—желаніе царства Христова. Не успѣвшій по независящимъ отъ него причинамъ осуществить, — или такъ сказать оформить своего желанія сочетаться со Христомъ, тѣмъ не менѣе принимается на равнѣ съ крещеннымъ (217—218). Ergo не есть ли крещеніе простая формальность, безъ которой можно обойтись и что же послѣ этого означаютъ слова Спасителя: *еще кто не родится водою и духомъ, не можетъ внити въ царствіе Божіе?* (Іоан, III, 5).

За тѣмъ оппонентъ указалъ на нѣкоторыя мѣста книги, гдѣ высказываемыя авторъ мысли, благодаря неточности выраженія, представляются ошибочными. На стр. 71 авторъ задаетъ такой вопросъ: возможны ли правовыя отношенія между Богомъ и человѣкомъ?—И рѣшительно отвѣчаетъ невозможны. Почему?—Потому—говоритъ онъ, что правовой союзъ въ основѣ своей имѣетъ себялюбивое желаніе собственнаго благополучія (71): Богъ же въ насъ не нуждается, однако желаетъ, чтобы мы дѣлали добро для нашей собственной пользы... Съ правовой точки зрѣнія это явленіе не понятно, даже прямо бессмысленно... Очевидно, здѣсь дѣйствуетъ не *jus* и правовая точка зрѣнія здѣсь можетъ только исказить дѣло, а не объяснить. „Здѣсь дѣйствуетъ не право, не желаніе „своихъ си“, а милость (79). По моему мнѣнію—говорилъ оппонентъ—возможны правовыя отношенія и безъ такого предположенія. Я напр. совершаю актъ даренія, или составляю духовное завѣщаніе. Въ обоихъ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ мое право, однако совсѣмъ можетъ не быть обнаруженія моего себялюбиваго желанія собственнаго благополучія и взаимнаго самоохра-

ниченія нѣсколькихъ самолюбій. Значить между мною и моими наслѣдниками, или тѣми, въ чью пользу я совершаю дарственный актъ, хотя и устанавлиются правовыя отношенія, однако безъ всякой себялюбивой заботы о собственномъ благополучіи и о взаимномъ ограниченіи нѣсколькихъ себялюбій. Слѣдов. и безъ такого предположенія правовыя отношенія возможны.

Неточными призналъ оппонентъ и нѣкоторыя другія выраженія автора, напр. что будто бы „происхождение *всякаго* богословскаго заблужденія и всякой ереси (2) нужно искать въ области нравственной и что въ основѣ своей всѣ они имѣютъ несовершенство нравственное.— Или: „Господь Іисусъ Христосъ принесъ это ученіе (т. е. ученіе о личномъ спасеніи человѣка) во всей его небесной чистотѣ и удобопонятности для всякаго религіозно-нравственнаго сознанія, и не только принесъ, но и *Самъ прошелъ указаннымъ имъ путемъ* (стр. 1).

Въ заключеніе оппонентъ выразилъ желаніе, чтобы при второмъ изданіи книга была освобождена отъ того, что для многихъ затрудняетъ ея чтеніе. напр. отъ обильныхъ латинскихъ цитатъ, оставленныхъ безъ перевода (см. введеніе), чтобы изложена была она болѣе доступнымъ, популярнымъ языкомъ, дополнена разъясненіями, иллюстрирована примѣрами и наблюденіями, вообще приведена въ такой видъ, чтобы могла найти себѣ широкій ходъ въ массу читающей публики. Тогда—говорилъ онъ автору—онъ заслужилъ бы не только ученую богословскую степень, но и глубокую признательность многихъ православныхъ вѣрующихъ людей. Послѣ официальныхъ оппонентовъ сдѣлалъ еще одно замѣчаніе проф. М. Д. Муретовъ.

На всѣ замѣчанія оппонентовъ о. Сергій давалъ спокойныя и основательныя объясненія и потому Совѣтъ Академіи призналъ защиту его удовлетворительною и постановилъ ходатайствовать установленнымъ порядкомъ объ утвержденіи его въ степени магистра Богословія.

Учебный годъ закончился обычнымъ выпускомъ окончившихъ академическій курсъ студентовъ. Таковыми оказались: 13-ть магистрантовъ, 51 кандидатъ, и 10 дѣйствительныхъ студентовъ.

Въ теченіи истекшаго учебнаго года Академія имѣла сча-

стіе видѣть въ своей домовой церкви и жилыхъ помѣщеніяхъ слѣдующихъ преосвященныхъ архіереевъ:

Высокопреосвященнѣйшаго Сергія Митрополита Московскаго и Коломенскаго, Арсенія епископа Сухумскаго, Агаеодора епископа Ставропольскаго, Тихона епископа Можайскаго, Николая епископа Алеутскаго, Сергія Архіепископа Владимірскаго и Суздальскаго, Климента Митрополита Болгарскаго, Алексія епископа Вологодскаго.

Такъ благополучно и мирно закончился годичный кругъ трудовой академической жизни, протекшей въ дружной совмѣстной работѣ профессоровъ и студентовъ. Не шумна эта работа; напротивъ она любитъ тишину и уединеніе. Для внѣшняго наблюдателя она почти сокрыта: развѣ случайно запоздалый богомолецъ проникнувъ въ Лавру въ зимній вечеръ невольно устремитъ свой взоръ на ярко освѣщенные при окружающей темнотѣ окна занятыхъ студенческихъ помѣщеній, въ то время какъ обитатели Лавры Великаго Сергія предались уже мирному сну ¹⁾, и сквозь эти окна замѣтитъ бодрствующихъ юношей, за большими столами тихо работающихъ надъ книгами и тетрадами. Здѣсь растетъ и крѣпнеть та духовная сила, которая потомъ, по выходѣ изъ Академіи, по всему лицу русской земли устремится на распространеніе религіознаго вѣдѣнія на поприщахъ духовно-учебномъ, миссіонерскомъ, пастырскомъ и учено-литературномъ. ²⁾

1) По Уставу Лавры, монахи начинаютъ бодрствованіе съ 2-хъ часовъ по полуночи: въ 2½ уже раздается благовѣстъ къ утрени; поэтому съ вечера они ложатся рано.

2) Нельзя не отмѣтить за послѣднее время весьма отраднaго явленія—увеличенія числа магистерскихъ диссертаций, заготовка которыхъ начинается студентами еще въ академіи: это дѣлается чрезъ расширеніе курсоваго или кандидатскаго сочиненія; съ этою цѣлю тема для сего избирается болѣе обширная и трудная, чѣмъ какая требуется для обыкновеннаго кандидатскаго сочиненія и авторъ старается всемѣрно воспользоваться благоприятными условіями академической обстановки для основательнаго изученія матеріала, доставляемаго богатой академической библіотекой. Пишущему эти строки только въ теченіи одного Вел. Поста пришлось въ качествѣ рецензента познакомиться съ двумя прекрасными магистерскими диссертациями, которыя вѣроятно и не замедлятъ быть напечатанными. Существующее въ Посадѣ отдѣленіе типографіи А. И. Снегиревой непрерывно занято печатаніемъ ученыхъ диссертаций.

И вотъ въ то время какъ текла эта дѣятельная и тихая жизнь въ стѣнахъ Академіи, вдали отъ нея шли суды и пересуды ея обитателей, прорывавшіеся по временамъ шумною газетною бранью. Что-то не припоминается времени, когда бы печатно дозволялась подобная брань по адресу какого либо существующаго учрежденія.

На эту брань Академія отвѣчала полнымъ молчаніемъ, не устанно продолжая обычную свою дѣятельность. И намъ думается, что каждый благоразумный и честный человекъ признаетъ, что поступивъ такъ она избрала наилучшее средство къ *обузданію безумныхъ человекъ невѣжества* (1. Петр. II, 15).

Теперь же, когда эта брань отошла въ вѣчность, какъ фактъ перенесенный, прилично повѣдать о немъ съ простою лѣтописною цѣлью:

Молодымъ людямъ въ наученіе,
Старымъ на послушанье.

Въ самомъ началѣ учебнаго года на Академію обрушилась бранью газета Гражданинъ. Ближайшимъ образомъ газета напала на проф. А. П. Лебедева за его статьи о греческой іерархіи послѣ наденіи К—поля, печатавшіяся въ Богословскомъ Вѣстникѣ (1894 г. Февраль, Май, Іюнь, Августъ). Совершенно голословно осудивъ ихъ за ихъ quasi болгарофильское тендеціозное направленіе неизвѣстный авторъ (Н. Д.) не постѣснился бросить по адресу профессора Академіи слѣдующую инсинуацію: „Пропитанный протестантскими идеями, г. профессоръ московской духовной академіи, конечно, не признаетъ святости и нетлѣнія св. мощей, да и сердце его (?) лежитъ болѣе къ протестантизму, нежели къ православію ¹⁾“, а за тѣмъ и въ лицо всей Академіи осмѣлился бросить слѣдующее обвиненіе: „Не мудрено послѣ этого—говоритъ онъ—что московская духовная академія уже сколько (вѣроятно—столько) лѣтъ вселяетъ въ сердца своихъ учениковъ ненависть къ грекамъ и къ матери-церкви, и что воспитывающіеся въ сей академіи болгарскіе клерики: іеродіаконы и іеромонахи, состоящіе въ расколѣ, и сей часъ свободно священно-дѣйствуютъ въ церкви академіи ¹⁾“.

1) Гражданинъ 1894, замѣтка: Наскоро Н. Д.

2) Тамъ же,

Спокойно вдумываясь и взвѣсивая эти слова, невольно спрашиваешь: зачѣмъ это автору, ихъ напечатавшему, понадобилось такъ позорить и себя и всю газету? Въ самомъ дѣлѣ, какой же здравомыслящій человѣкъ рѣшится кричать въ газетахъ о другомъ ему совершенно неизвѣстномъ человѣкѣ (авторъ выражается объ А. П. Лебедевѣ: „нѣкто проф. А. П. Лебедевъ“), что онъ *непризнаетъ* нѣтълѣнія мощей и что *сердце его* лежитъ болѣе къ тому то, чѣмъ къ тому-то? Ясное дѣло, что такъ кричать можетъ только пришедшій въ несостояніе ума. Не доумѣваешь далѣе, что была за цѣль у автора именно *такъ* клеветать на ученаго профессора? Обличай его въ недостаточномъ знаніи предмета, въ невѣрномъ, или неточномъ изложеніи фактовъ и т. п. ученыхъ недостаткахъ—тутъ будетъ смыслъ и мнимое или дѣйствительное уязвленіе профессорскаго самолюбія, но раскрывать чужую душу, вѣру, сердце,—это..... что-то ужъ необыкновенно нелѣное, дикое.....

„Московская Духовная Академія уже столько лѣтъ вселяетъ въ сердца своихъ учениковъ ненависть къ грекамъ и къ матери-церкви“—заявляетъ далѣе г. Н. Д. Столько лѣтъ вселяетъ!—Несчастный писатель Н. Д., изрыгнувшій эту хулу на высшее православное богословское училище *столько лѣтъ состоящее* въ ближайшемъ вѣдѣніи высшей церковной власти, вѣроятно „не вѣдалъ, что творить“,—не сознавалъ должнымъ образомъ всего тяжкаго смысла произносимыхъ словъ и своей нравственной за нихъ ответственности.

Справедливость такого предложенія оправдывается и дальнѣйшими словами г. Н. Д., что „воспитывающіеся въ сей академіи болгарскіе клирики священно-дѣйствуютъ въ академической церкви“. Мысль о ненависти академіи къ матери-церкви у Н. Д. очевидно стоитъ въ связи съ тѣмъ фактомъ, что въ академической церкви священно-дѣйствуютъ болгарскіе клирики: значитъ академія болгарофильствуетъ—заключаетъ отсюда г. Н. Д., значитъ она ненавидитъ грековъ и матери-церковь—еще далѣе заключаетъ онъ.

Какъ видно отсюда, г. Н. Д. похулилъ академію, не нормально мысля подѣ влияніемъ такъ наз. болгарофобіи.

Если это такъ, то отъ души желаемъ г. Н. Д. и ему подобнымъ помочь слѣдующими объясненіями:

Въ Академіи обучаются студенты разныхъ національностей: есть въ ней кромѣ русскихъ греки, болгары, сербы, черногорцы, грузины, арабы, эіопы, японцы. По уставу Академіи всѣ они должны непременно участвовать каждый въ своемъ чину въ академическомъ Богослуженіи: они и участвуютъ, и это участвованіе ихъ придаетъ академическому Богослуженію особенную торжественность и производитъ глубокое впечатлѣніе на богомольцевъ. Не даромъ же академическій храмъ всегда, не смотря на свою обширность, бываетъ полонъ молящимися. Что ничего подобнаго ненависти къ матери церкви не вселяется отъ сего и вмѣстѣ съ симъ въ сердца студентовъ академіи, доказательствомъ служитъ то, что въ академической церкви при участіи этихъ же разнаціональныхъ представителей ежегодно совершается греческая литургія и студенты, какъ священнослужашіе, такъ и пѣвчіе приготовляются къ ней съ особенною тщательностью, съ великою охотою, съ удовольствіемъ. Сами студенты-греки никогда не высказывали жалобъ на то, что бы профессора или студенты питали или возбуждали къ нимъ ненависть въ сердцахъ. Совершенно наоборотъ: въ Московской Академіи едва ли не болѣе, а ужъ во всякомъ случаѣ никакъ не менѣе чѣмъ въ другихъ академіяхъ искони посвящалось трудовъ на изученіе памятниковъ греческой литературы экзегетической, патристической, канонической, исторической и т. д. и студенты—греки были уже ради этого всегда желанными гостями въ академіи, и профессора академіи входили съ ними въ частное знакомство для практическаго изученія ихъ языка и для ближайшаго ознакомленія съ ихъ бытомъ. Да и какая могла бы быть причина у Академіи питать ненависть къ грекамъ и къ матери-церкви? Никакихъ непосредственныхъ отношеній, ни политическихъ, ни церковныхъ между академіей и Константинопольскою патріархіей не существуетъ: сфера же ученая и учебно-воспитательная, въ которой единственно и могутъ завязываться эти отношенія, образуетъ и создаетъ только отношенія мира и взаимнаго уваженія, а ужъ никакъ не питаетъ чувства ненависти: это неизвѣстно развѣ только г. Н. Д.

Что же касается студентовъ-болгаръ-клириковъ, то не допускать ихъ къ священно-служенію въ академической церкви

было бы крайнею жестокостью, да къ тому же для академическаго начальства оказалось бы и дѣянiемъ, прямо превышающимъ его каноническую компетенцію. Святѣйшій Синодъ, разрѣшая Ректору Академіи принимать клириковъ-болгаръ въ число полноправныхъ студентовъ академіи не подвергаетъ ихъ нарочитому запрещенію въ служеніи. Не уже ли же Ректоръ осмѣлится собственною властію подвергнуть ихъ этому запрещенію? Сверхъ того, по уставу Академіи въ число студентовъ ея принимаются только лица *православнаго исповѣданія*: откуда же г. Н. Д. нашель въ Московской Духовной Академіи болгаръ „состоящихъ въ расколѣ“?

Научитесь же г. Н. Д. оказывать достодолжное уваженіе предержащей церковной власти и ея уставамъ,—и сознайте, что досель вы вели себя крайне неблагоуразумно и неприлично.

Еще лучше отличился другой неизвѣстный порицатель Академіи, помѣстившій въ № 117 Москов. Вѣдомостей статью: *о кандидатахъ Богословія*.

Авторъ ея укрывъ свое собственное имя, указавъ только, что онъ дѣйствуетъ на литературномъ поприщѣ подъ знаменемъ „*православнаго*“. Каково же дѣянiе его?

Ближайшимъ образомъ, какъ слѣдовало бы судя по заглавію статьи ожидать, она имѣетъ въ виду кандидатовъ богословія, однако же это не совсѣмъ такъ: кандидаты Богословія—только поводъ, ухватившись за который, „Правословный“ высказываетъ свое весьма рѣшительное сужденіе о студентахъ, профессорахъ и цѣлой постановкѣ богословскаго преподаванія въ духовныхъ академіяхъ вообще.

Вотъ это рѣшительное сужденіе:

а) *„Приведенные два примѣра—говоритъ онъ—даютъ основаніе для отвѣта, что требуется и чего не требуется отъ сочиненія для признанія автора его кандидатомъ богословія. Не требуется при разработкѣ темы ни яснаго пониманія своего предмета, ни согласованія своихъ выводовъ съ ученіемъ православной церкви, ни даже проверки этихъ выводовъ святоотеческимъ ученіемъ. Словомъ можно основываясь на своемъ разумѣ, да на своемъ же толкованіи священнаго писанія защищать какую угодно ересь, или проводить противощерковныя доктрины*

и выставлятъ на показъ свои инославныя симпатіи. Лишь бы только въ сочиненіи была видимость труда, т. е. множество выписокъ и сносокъ да изложено было бы сочиненіе ясно; это послѣднее—самое главное“.

б) „Студенты пишутъ глупости, профессора изощряютъ на этихъ глупостяхъ свое остроуміе—кому отъ этого бѣда? Но на самомъ-то дѣлѣ за эти глупости студентъ признается достойнымъ степени кандидата богословія“.

„Не слишкомъ ли легко достигается у насъ отвѣтственное званіе (!) кандидата богословія, не слишкомъ ли формально относятся гг. профессора къ своему праву судить о достоинствѣ кандидата, и наши духовныя академіи не становятся ли въ этомъ отношеніи слишкомъ похожими на нѣмецкіе богословскіе факультеты“?

Вотъ благосклонный читатель, сужденіе частнаго лица, опубликованное въ большой русской столичной газетѣ, о православныхъ академіяхъ, т. е. высшихъ богословскихъ училищахъ Православной Россіи!

Долго мы стояли въ раздумьи предъ этимъ явленіемъ, стараясь спокойно обсудить его и занести его въ свою хроннику съ безпристрастіемъ лѣтописца. Но признаемся, гнетущее душу впечатлѣніе отъ этого явленія рѣшительно противилось такому спокойному къ нему отношенію. Въ немъ насъ возмущало во 1-хъ то, что большая русская газета всегда отличавшаяся уваженіемъ къ существующимъ учрежденіямъ, рѣшилась напечатать огульное рѣзкое порицаніе всѣхъ православныхъ академій, стоящихъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ высшей церковной власти и воспитавшихъ въ стѣнахъ своихъ столько мужей іерархіи и богословской науки. Во вторыхъ, насъ глубоко поражала по истинѣ изумительная отвага и дерзость частнаго лица—анонимнаго автора.

Не такого отношенія къ себѣ имѣла право ожидать Московская Духовная Академія отъ этой большой газеты, покойный редакторъ которой М. Н. Катковъ такъ поднявшій престижъ ея, былъ почетнымъ членомъ Московской Академіи....

Что касается анонимнаго автора, то намъ въ концѣ концовъ сдѣлалось жаль его и подъ вліяніемъ этого чув-

ства мы рѣшились поискать въ его статьѣ смягчающихъ его *страшную вину* обстоятельствъ. И наши поиски, кажется, не остались безуспѣшны. Намъ показались въ этомъ отношеніи важными слѣдующія слова его статьи: „*Увѣнчанный* этою (т. е. кандидатскою) степенью сразу становится въ привилегированное положеніе среди *неувѣнчанныхъ*. Онъ сразу же *получаетъ мѣсто* въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ, стало быть ему довѣряется воспитаніе будущихъ пастырей церкви. *Ему открыты двери всюду, вездѣ онъ желанный іостъ, вездѣ ему почетное мѣсто*“. Тщательно взвѣсившая эти слова, мы пришли къ убѣжденію, что написавшій ихъ болѣетъ недугомъ *зависти*. А что зависть есть тяжкій душевный недугъ, этому мы научены отъ высоко-авторитетнаго духовнаго врача—Св. Православной Церкви,—которая проповѣдуетъ, что „*Зависть не вѣсть предпочитати полезное*“ и устами одного изъ знаменитыхъ своихъ іерарховъ учить, что „зависть есть скорбь души о чужомъ благополучіи“.

Если наша діагноза вѣрна, то наше отношеніе къ статьѣ анонимнаго автора Московскихъ Вѣдомостей опредѣлится такъ: несчастный написалъ ее зависти ради.

Послѣ того какъ подлежащая хроника наша была окончена и сдана въ редакцію Богословскаго Вѣстника, въ Академіи полученъ былъ слѣдующій указъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода:

„По Указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе о настоящемъ состояніи дѣлъ въ духовныхъ академіяхъ Московской и Казанской. *Приказали*: на основаніи бывшихъ разсужденій Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: назначить Ректора Казанской Духовной Академіи, протоіерея Александра Владимірскаго членомъ учебнаго комитета при Святѣйшемъ Синодѣ съ увольненіемъ, согласно прошенію, отъ занимаемой имъ нынѣ должности; распоряженіе же о назначеніи ему пенсіи за духовно учебную службу предоставить г. Синодальному Оберъ-Прокурору. На должность Ректора Казанской Духовной Академіи перемѣститъ Ректора Московской Духовной Академіи Архимандрита Антонія; Ректоромъ же Московской Академіи опредѣлить настоятеля Московскаго Покровскаго монастыря, Архимандрита Лаврентія: вмѣсто него

на настоятельскую должность въ Покровскій монастырь опредѣлить Ректора С.-Петербургской Духовной семинаріи Архимандрита Иннокентія съ увольненіемъ его отъ духовно-учебной службы; о чемъ для зависящихъ распоряженій послать Вашему Преосвященству указъ, а въ Хозяйственное Управление для распоряженія о выдачѣ Архимандриту Антонію прогонныхъ денегъ передать выписку изъ настоящаго опредѣленія. 21 Іюля 1895^а.

Н. Заозерскій.
